

Оригинальная статья / Original Article

DOI: 10.31857/S160578800025498-3

Об особой функции наречий в структуре высказывания (роль вторичного предиката)

© 2023 г. Б. Ю. Норман

Доктор филологических наук, профессор,
независимый исследователь,
Беларусь, 220020, Минск, ул. Л. Украинки, д. 4, кв. 16
boris.norman@gmail.com

Резюме. Объектом статьи являются процессы внутренней речи (в понимании Л.С. Выготского), в ходе которых формируется будущее высказывание. Один из таких процессов — это компрессия синтаксической структуры. В частности, интерес представляют полипропозитивные высказывания, в которых роль вторичного предиката выполняют наречия. Анализируются примеры из русской художественной литературы (от И. Шмелева до А. Битова), в которых за синтаксической структурой простого предложения скрывается сложный смысл. Делается вывод, что к функции вторичного предиката наиболее склонны наречия со значением физиологических или психических ощущений, моральной оценки, соответствия культурной норме и т.п. Однако различная словообразовательная предыстория такого адверба приводит к его амбивалентности и в соответствии с этим к различным вариантам трактовки скрывающейся за ним пропозиции. В целом же возможность “упаковать” целую пропозицию в одно слово делает наречие полноценным участником процессов речевой деятельности.

Ключевые слова: наречие, пропозиция, полипропозитивное высказывание, вторичный предикат.

Для цитирования: Норман Б.Ю. Об особой функции наречий в структуре высказывания (роль вторичного предиката) // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2023. Т. 82. № 2. С. 15–21. DOI: 10.31857/S160578800025498-3

On the Special Function of Adverbs in the Structure of an Utterance (the Role of the Secondary Predicate)

© 2023 Boris J. Norman

Doct. Sci. (Philol.), Professor,
Independent Researcher,
4 L. Ukrainki Str., apt. 16, Minsk, 220020, Belarus
boris.norman@gmail.com

Abstract. The object of the article is the processes of inner speech (in the understanding of L.S. Vygotsky), during which the future utterance is formed. One such process is syntactic structure compression. In particular, of interest are polypropositive utterances in which adverbs play the role of a secondary predicate. Examples from Russian fiction are analyzed (from I. Shmelev to A. Bitov), in which a complicated meaning is hidden behind the syntactic structure of a simple sentence. It is concluded that adverbs with the meaning of physiological or mental sensations, moral assessment, compliance with a cultural norm, etc. are most inclined to the function of a secondary predicate. However, the different word-formation background of such adverb leads to its ambivalence and, in accordance with this, to different interpretations of the proposition behind it. In general, the ability to “pack” a whole proposition into one word makes the adverb a full-fledged participant in the processes of speech activity.

Key words: adverb, proposition, polypropositive utterance, secondary predicate.

For citation: Norman, B.J. Ob osoboj funkcii narechij v strukture vyskazyvaniya (rol vtorichnogo predikata) [On the Special Function of Adverbs in the Structure of an Utterance (the Role of the Secondary Predicate)]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Seriâ literatury i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2023, Vol. 82, No. 2, pp. 15–21. (In Russ.) DOI: 10.31857/S160578800025498-3

0. Введение

Начиная с середины XX века в сферу внимания лингвистов прочно вошло понятие пропозиции. Оно стало точкой пересечения интересов “чистых” языковедов, логиков и психологов, и споры по этому поводу не утихают. Вот одно из современных определений: “**пропозиция, пропозиционное содержание, пропозитивный смысл** – тип содержания единицы языка, представляющий собой мысленный образ ситуации, т.е. сущности, характеризующейся временным параметром” [1, с. 564].

Иными словами, пропозиция – это объективное положение дел (нечто, что происходит), отраженное в сообщении. И лингвисты занялись проблемой соотношения пропозиции как единицы мысли и предложения как структурной единицы языка. “В принципе должно быть одно-однозначное отношение между пропозициями и простыми предложениями: одно простое предложение (clause) выражает одну пропозицию” [2, с. 167]. Однако давно замечена реальная способность предложения выражать несколько пропозиций: это качество называют полипропозиитивностью. Поскольку же организующим звеном пропозиции является предикат, то полипропозиитивность подразумевает наличие вторичного предиката, т.е. дополнительного сказуемого, – поэтому некоторые авторы используют термин *полипредикативность*.

Наиболее явное проявление полипропозиитивности – это смысловая структура сложных предложений: обозначение нескольких “образов ситуаций” соответствует самой их (сложных предложений) природе. Скажем, сообщение *После того, как хозяин уехал, дом опустел* не требует специального комментария: ясно, что оно отражает два события. Но полипропозиитивность логично усмотреть также в предложениях осложненной структуры – с обособленными обстоятельствами или определениями, например: *Покину́тый хозяи́ном, до́м опу́стел*. Кроме того, как известно, сложный смысл может выражаться и в рамках простого предложения (без обособления его членов). Это связано, в частности, с языковой способностью номинализовать пропозицию, т.е. представлять ее в виде имени, ср.: *После отъезда хозяина до́м опу́стел*. Отсюда вытекает, что

“средством выражения номинализованных пропозитивных смыслов прежде всего могут служить придаточные части сложноподчиненных предложений, а также обособленные члены предложений. Кроме того, пропозитивные смыслы могут быть выражены при помощи отдельных слов и выражений” [3, с. 34].

1. Вторичный предикат и его выражение

Разработка проблемы полипропозиитивности привела к углубленному анализу семантической структуры русского предложения и, в частности, к очерчиванию круга тех “отдельных слов и выражений”, которые способны нести функцию вторичного предиката.

Г.А. Золотова еще в своей монографии 1973 года обратила внимание на конструкции с производными предлогами (*со стороны, в результате, в знак, в адрес, с позиций, в случае* и т.п.). Они очень часто включают в себя отглагольное имя и в силу этого предполагают “предикативную конденсацию” [4, с. 254]. Действительно, предложение *По возвращении в деревню бурмистр повел нас посмотреть веялку* (пример Г.А. Золотовой) содержит в себе две пропозиции: ‘кто-то (мы? или бурмистр?) вернулся в деревню’ и ‘бурмистр повел нас посмотреть веялку’. «В результате структура предложения, включающего подобные конструкции, становится “уплотненной”, полипредикативной» [Там же, с. 257]. В более поздних работах исследовательница, кроме номинализации, выделяет еще следующие виды синтаксической деривации: инфинитивизацию, адвербиализацию и атрибутизацию [5, с. 183].

Н.Д. Арутюнова, исследовавшая смысловую структуру предложения, сформулировала проблему шире: по ее мнению, имеются в виду особые случаи, когда семантический тип имени не соответствует его синтаксической функции. В частности, она показывает, что существительные с предметным значением в определенном контексте способны выражать событийно-временной смысл, например: *Я задержался из-за книг* или *Он пришел несмотря на ногу*. “Предметные существительные в этих случаях эквивалентны по значению пропозиции” [6, с. 122].

Какие же лексико-грамматические классы слов способны принимать на себя функцию

вторичного предиката, концентрируя в себе содержание целой пропозиции? По-видимому, это не только имя существительное в его падежных формах в сочетании с предлогами, но также и “синтаксические маргиналы” — прилагательные и наречия [7, с. 201–217].

Рассмотрим следующий пример.

Малыш был в Илью, кудрявый и узколицый. Редко плакал, мало улыбался, Илья считал, что темперамент ребенка унаследовал материнский (Л. Улицкая. Зеленый шатер).

Сравним с этим предложением исходную, нейтральную фразу: *Ребенок унаследовал материнский темперамент*. Синтаксическая ее структура проста и прозрачна: *ребенок* — подлежащее, *унаследовал* — сказуемое, *темперамент* — дополнение с подчиненным ему определением *материнский*. Но в цитате из Л. Улицкой дополнение *темперамент* не случайно вынесено в препозицию: эта эмфаза (позиционное и интонационное выделение) сигнализирует для нас некий дополнительный смысл: ‘ребенок унаследовал (чей-то) темперамент’ (это нормально), но ‘этот темперамент оказался материнским’!

Место подобным примерам находится в типологии полипропозитивных (и полипредикативных) предложений, предлагаемой М.В. Всеволодовой. По ее мнению, в составе простого предложения вторичный предикат образуют: а) копредикат (*Он сидит счастливый и потрясенный; Я вспомнил его молодым; Он вернулся в село учителем*), б) “компоненты со значением состояния лица, осложняющие пропозицию” (*В гневе он бывал страшен; В отчаянии она решилась на отъезд*), в) “любой компонент в фокусе Р, сопряженный с компонентом в фокусе Т (топик)” (*Пьесу он написал замечательную*) [8, с. 209]. Нам эта классификация кажется недостаточно однородной по своим основаниям. Кроме того, заметим, что роль вторичного предиката не обязательно требует от прилагательного топикизации, т.е. вынесения в эмфатическую позицию. Сравним следующий пример из повести уже упомянутого автора:

После ухода бессмысленной медицины Нина вдруг страшно засуетилась. Опять начала носиться с бутылками (Л. Улицкая. Веселые похороны).

Определение *бессмысленный* здесь, конечно, относится не к медицине как таковой, а к визиту врачей, которые ничем не могли помочь умирающему. Смысл предложения выстраивается следующий: ‘после того, как ушли медицинские

работники, усилия которых были бессмысленны, Нина... засуетилась’. Прилагательное скрывает за собой отдельную пропозицию.

Наконец, классификация вторичных предикатов, предлагаемая М.В. Всеволодовой, оказывается неполной, потому что в ней принципиально не находится места наречиям! А между тем, данная часть речи в синтаксическом отношении обладает примечательными и в чем-то уникальными свойствами.

2. Наречие в синтаксической структуре высказывания

Предварим следующий фактический материал кратким историческим экскурсом. Наречия как часть речи (лексико-грамматический класс) сформировались еще в общеславянский период. Призвание их состояло в том, чтобы характеризовать с той или иной стороны действие или состояние, обозначенное глаголом (сам термин *наречие* — калька с латинского *ad verbum*, т.е. “при глаголе”). Основная масса наречий (адвербов) изначально образовывалась либо от падежных и предложно-падежных форм существительных, либо от прилагательных (особенно — качественных) [9, с. 151–156].

Однако в современных славянских языках функции наречий, их строение и место в синтаксической структуре фразы заметно расширились. Наречия могут уточнять значение других наречий, подчиняться непосредственно существительному или прилагательному, легко приобретают функцию сказуемого (в этом случае они превращаются в предикативы). А с учетом того, что и в словообразовательном отношении современные наречия чрезвычайно многообразны (они могут быть образованы даже от причастий или деепричастий), становится понятен интерес современных исследователей к данному лексико-грамматическому классу, ср.: [10, с. 160–168]. Особенное внимание эти “вольные стрелки” грамматики привлекают в психолингвистическом аспекте, применительно к процессам, протекающим во внутренней речи, в ходе формирования структуры высказывания.

Начнем с анализа следующей цитаты, в которой употребление наречия слегка царапает взгляд читателя.

Она, <...> намяв в обеих ладонях по газетному комку, с двух сторон визгливо протирала вымытое стекло, навалившись грудью на раму (Д. Рубина. Желтухин).

Наречие *визгливо* значит ‘пронзительно резко, с визгом’. Оно зафиксировано в [11] в 432 текстах, общее количество примеров — 605 (дата обращения: 07.01.2023). Самые частые глаголы, с которыми сочетается это наречие, — это *кричать* и его производные (*закричать, прокричать, крикнуть, выкрикнуть* и т.д.), *хохотать, смеяться* и их производные (*захохотать, засмеяться* и т.д.), а также *орать, петь, вопить, спрашивать, отвечать* и др. В целом около 90% всех употреблений данного наречия — это сочетания с глаголами речи и вообще голосовой деятельности. *Протирать* (стекло) никоим образом в эту группу не входит.

Ясно, что за приведенной цитатой скрывается сложный смысл, который не укладывается в структурные рамки простого предложения. Это примерно следующее: ‘она... с двух сторон протирала вымытое стекло, отчего то издавало визгливые звуки’. Поясним сказанное. *Протирать* — акциональный глагол, обозначающий контролируемое действие. *Визгливо* характеризует не действие самой женщины, а “действие” стекла под ее руками: она протирала стекло, а стекло визжало. Вообще, *визгливо* характеризует неконтролируемые действия. Даже если говорится, что кто-то *визгливо спросил* или *визгливо ответил*, то от его желания это не зависело: это свойство его речевого аппарата и в целом психосоматики!

Роль наречия в процессе текстопорождения очевидна и применительно к спонтанной устной речи. Здесь представители данного лексико-грамматического класса легко принимают на себя функцию вершинного узла фразы — предиката. Приведем один фрагмент из опубликованного собрания разговорных текстов:

Тут надо чтоб как-то вот... То ли химически она как-то... взаимодействовала // То ли... вот как-то... особую структуру ей сделать // Очень трудно // Ну это далеко еще // А сейчас вот великолепно я смотрел... Вот сейчас вижу / очень широко вот на Западе / текстильная-то обувь // Причем от Африки до... вообще Скандинавии // [12, с. 197].

3. Наречие как средство упаковки информации

В целом наречие, с его “мобильным”, или “всеядным”, участием в процессах преобразования внутренней речи во внешнюю, активно используется, с одной стороны, для сокращения длины текста, а с другой стороны — для усложнения его семантической структуры. В последнем случае оно выступает в качестве вторичного предиката. Данная ситуация находит свое место и среди художественных средств писателя, что мы продемонстрируем на нескольких примерах.

Студенты обидно швыряли посуду на стол, и, недолго думая, я подал Фиттиху просьбу об увольнении (В. Каверин. Освещенные окна).

Слово *обидно* означает ‘с чувством обиды’ (причем это, как правило, не наречие, а предикатив, обозначающий состояние субъекта: *кому-то обидно, что...*). Так кто в приведенном примере испытывал эту обиду — студенты? Нет, обиду испытывал кухонный рабочий, наблюдавший данную сцену. Смысл предложения: ‘студенты швыряли посуду на стол, и мне было обидно это наблюдать’!

Как только они очутились на середине переулка, земля тошно зашаталась под ногами, с крыши театра повалилась черепица... (И. Ильф, Е. Петров. Двенадцать стульев).

Слово *тошно*, которое тоже чаще всего выступает в роли предикатива, передает в своем прямом значении физиологическое состояние тошноты, предшествующее рвоте. В данном случае оно характеризует ощущение персонажей, оказавшихся в зоне землетрясения. И смысл всего предложения выглядит таким образом: ‘земля зашаталась под ногами, от чего стало тошно’ (к горлу подкатилась тошнота). Наречие, как и в предыдущих случаях, сконцентрировало в себе содержание целой пропозиции.

Рядом с зеркалом висела старинная народная картинка “Зерцало грешного”, печатанная с медной доски и приятно раскрашенная рукой (И. Ильф, Е. Петров. Двенадцать стульев).

Наречие *приятно* в данной цитате характеризует не процесс раскрашивания картинки (хотя формально оно относится к причастию *раскрашенный*), а ощущения зрителя: оно означает, что картинка была приятна для взгляда.

Глеб думает об архангеле Варахииле, платье которого в белых лилиях, — и больно вспоминает о матери... (Б. Пильняк. Голый год).

Наречие *больно* обычно сочетается с глаголами физического воздействия: *ударить, прищемить, ущипнуть* и т.п., и оно значит ‘причиняя боль’, например: *Он больно сжал мою руку*. Кроме того, существует омонимичный предикатив *больно* — со значением ‘испытывать боль’ (физическую или психическую): *Мне больно от твоих слов*. Использование слова *больно* в приведенной цитате требует истолковать последнюю следующим образом: ‘Глеб вспоминает о матери, и это рождает в его душе боль’ (его душе становится больно). За простой по форме синтаксической структурой *Глеб*

больно вспоминает о матери опять-таки скрываются две пропозиции.

Празднично вкусно пахло, хлеб лежал на расписной доске, варенье накладывали серебряной ложкой с витой ручкой (Д. Гранин. Картина).

Празднично вкусно пахло — это значит ‘пахло вкусно, как это бывает по праздникам’. Формально при безличном сказуемом *пахло* есть два обстоятельства образа действия: *празднично* и *вкусно*. Но симптоматично, что между ними нет ни сочинительных, ни подчинительных отношений. Они как бы согласуются друг с другом семантически (и там, и там — сема “хорошо”), но репрезентируют два разных, самостоятельных смысла!

Сразу же заметим, что подбор примеров — из новейших классиков, мастеров русского слова — снимает возможное возражение (или упрек) в нарушении синтаксической нормы. Ясно, что перед нами — некоторая тенденция, опирающаяся на внутриязыковые закономерности и реализующаяся в стилистически мотивированных случаях.

Приведенные цитаты свидетельствуют о том, что представители класса наречий также могут играть роль вторичного предиката. Не случайно, напомним, данный лексико-грамматический класс составляет одну из словообразовательных баз, на которых вырастает так называемая категория состояния (термин Л.В. Щербы). Можно только удивляться той легкости, с которой adverбы пополняют эту категорию. Вслед за уже апробированными и кодифицированными в данной роли словами *легко, приятно, удобно, выгодно, поздно, опасно, безразлично* и т.п. в качестве сказуемых начинают употребляться *грязно, позорно, комфортно, целесообразно, фиолетово* и т.п.

4. Семантическая специфика наречия — вторичного предиката

Важной чертой наречия, с учетом разных вариантов его словообразовательной предыстории, является смысловая амбивалентность, неопределеннозначность (термин В.В. Мартынова). Покажем это еще на двух литературных примерах.

Есенин в описываемом году был запрещен, лагерно популярен (А. Битов. Пушкинский дом).

Несомненно, обстоятельство *лагерно* должно подчеркивать высокую степень популярности текстов Есенина. Но как понимать: *лагерно популярен*? Популярен в лагерях? Популярен, несмотря на опасность ссылки в лагерь? Популярен

благодаря распространению лагерной эстетики? Читатель вправе принять любое толкование и в соответствии с этим восстановить ту или иную исходную пропозицию.

Подобную картину мы наблюдаем и в следующем случае.

И опять неспешно и ржаво повернулся замок в сейфе, где томились тетради “Мастера и Маргариты” и “Театрального романа”... (Л. Яновская. Записки о Михаиле Булгакове).

Что значит: *ржаво повернулся*? Повернулся в ржавом замке (в таком случае мы имели бы дело с синтаксическим переносом и транспозицией)? Повернулся с таким трудом, с каким открывается ржавый замок? Повернулся со скрипом, свойственным ржавым замкам? Восстанавливаемые смыслы не так уж далеки друг от друга, но для читателя подобная свобода выбора создает иллюзию творческого участия — соавторства...

Использование наречия в качестве вторичного предиката дает о себе знать, во-первых, нарушением канонов лексической сочетаемости (ср.: *визгливо крикнуть* и *визгливо протирать*, *больно ущипнуть* и *больно вспоминать* и т.п.), во-вторых, возможным сдвигом в лексической семантике самого наречия (скажем, *круто* как наречие и *круто* как предикатив разошлись в своих значениях), в-третьих, изменениями в авторизации сообщения (меняется точка зрения на ситуацию — см.: [4, с. 263–264]).

Поясним последнее свойство на еще нескольких примерах.

Пахнет можжевельником священно. <...> *Пахнет священно розами* (И. Шмелев. Лето Господне).

Одна из содержащихся в этих предложениях пропозиций — *пахнет можжевельником* (или *розами*) — отражает объективные физиологические ощущения: факт присутствующего в воздухе аромата. Вторая пропозиция, заключенная в наречии *священно*, соответствует определенным религиозным и нравственным представлениям нарратора. Для носителя иной, посторонней культуры запах можжевельника (или роз) может никаких сакральных ассоциаций не вызывать.

Густав Пахапиль зашагал вдоль тусклых рельсов. <...> *Лежневка привела его в кильдим. Здесь его карманы тяжело наполнились* (С. Довлатов. Зона).

Карманы наполнились — это, так сказать, объективная (внешняя) характеристика карманов: в них что-то положили. А слово *тяжело*

присовокупляет к этому субъективные ощущения персонажа: 'ему стало тяжело', он почувствовал тяжесть. Получается своего рода стереоскопический эффект: в одном предложении представлены два взгляда на одно и то же реальное положение дел.

...*Генрих Иванович, низко-низко склоняясь над обеденным столом, слышно царапал пером бумагу* (В. Пьецух. Новая московская философия).

Часть предложения *Генрих Иванович царапал пером бумагу* содержит визуальную картину: образ пишущего человека; а *слышно* — это слуховые ощущения присутствующих в данной ситуации: это им всем было слышно!

Остается выяснить, какие именно наречия, с какой семантикой наиболее склонны к тому, чтобы принимать на себя тяжесть второго смыслового фокуса в предложении. Судя по нашему материалу, это прежде всего адвербы со значением физиологических или психических ощущений, моральной оценки, соответствия культурной норме и т.п. Это связано с тем, что в самой природе указанных подклассов заложена склонность к предикатной функции. Данное наблюдение выводит нас на проблему места того или иного номинативного класса в процессах формирования структуры высказывания, иначе говоря — речемыслительной специализации частей речи.

Систематизируя современные представления о механизмах речевой деятельности и соотнося их с учением Л.С. Выготского о внутренней речи, Е.С. Кубрякова пишет: «Поскольку выбор единицы номинации всегда согласуется с ее структурно-семантическими особенностями, в порождении речевого высказывания важную роль играет, на наш взгляд, не только формирование личностного смысла, но и “привязка” его частей к тем или иным единицам номинации» [13, с. 115]. И чуть далее: “Чем полнее и выразительней может передать та или иная единица номинации типы отношений, тем выше ее значимость для организации высказывания” [Там же, с. 116].

Это вполне согласуется с проанализированным выше материалом. Мы видим, что наречие, как и любая другая часть речи, конденсирует в себе предыдущий когнитивный и коммуникативный опыт социума. Выражать ощущения и оценку для слов типа *обидно* или *тяжело* — это как бы их функциональная прерогатива. Заложена в наречиях склонность к предикатной функции (уже проявившая себя в русском языке в ходе исторического формирования “категории состояния”)

продолжает реализовываться в процессах образования полипредикатных структур.

5. Заключение

Таким образом, процессы преобразования (в том числе компрессии) фразы, происходящие во внутренней речи, затрагивают и наречие. Более того, представителей данного лексико-грамматического класса можно считать важными участниками в механизмах речепорождения и речевосприятия.

Если подходить с позиций грамматики говорящего, то речь идет о путях воплощения глубокой семантической структуры в поверхностную. Наречие позволяет “упаковать” целую пропозицию в одно слово, формально подчиняющееся предикату иной пропозиции.

Если же исследовать деятельность слушающего (реципиента), то мы имеем дело с процессом восприятия линейно организованного текста вплоть до его “восстановления” до исходной смысловой структуры. Оказывается, что если значение наречия не согласуется с семантикой глагола, образующего пропозицию, то адресат вынужден, опираясь на контекст, подыскивать в своем сознании добавочную пропозицию, с которой данное наречие было бы совместимо.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Русский язык: Энциклопедия / Глав. ред. А.Ф. Молдаван. 3-е изд. М.: АСТ-ПРЕСС ШКОЛА, 2020.
2. Дейк Т.А. ван, Кинч В. Стратегии понимания связного текста // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXIII. Когнитивные аспекты языка. М.: Прогресс, 1988. С. 153–211.
3. Федосюк М.Ю. Синтаксис современного русского языка. Учебное пособие. М.: ИНФРА-М, 2012.
4. Золотова Г.А. Очерк функционального синтаксиса русского языка. М.: Наука, 1973.
5. Золотова Г.А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М.: Наука, 1982.
6. Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл. Логико-семантические проблемы. М.: Наука, 1976.
7. Норман Б.Ю. Когнитивный синтаксис русского языка. М.: ФЛИНТА-Наука, 2013.
8. Всеволодова М.В. Теория функционально-коммуникативного синтаксиса. Фрагмент прикладной (педагогической) модели языка. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2000.
9. Буслаев Ф.И. Историческая грамматика русского языка. М.: Учпедгиз, 1959.

10. *Норман Б.Ю.* Наречие в современных славянских языках: словообразовательные, семантические и синтаксические аспекты развития // Мовазнаўства. Літаратура. Культуралогія. Фалькларыстыка. XIII Міжнародны з'езд славістаў (Любляна, 2003). Даклады беларускай дэлегацыі. Мінск: Беларуская навука, 2003. С. 159–174.
11. Национальный корпус русского языка. Электронный ресурс. URL: www.ruscorpora.ru
12. Русская разговорная речь. Тексты / Отв. ред. Е.А. Земская, Л.А. Капанадзе. М.: Наука, 1978.
13. *Кубрякова Е.С.* Номинативный аспект речевой деятельности. М.: Наука, 1986.
6. *Arutyunova, N.D.* *Predlozhenie i jeho smysl. Logiko-semantichekie problemy* [The Sentence and Its Meaning. Logical-Semantic Problems]. Moscow, Nauka Publ., 1976. (In Russ.)
7. *Norman, B.J.* *Kognitivnyj sintaksis russkogo jazyka* [Cognitive Syntax of the Russian Language]. Moscow, FLINTA-Nauka Publ., 2013. (In Russ.)
8. *Vsevolodova, M.V.* *Teorija funkcionalno-kommunikativnogo sintaksisa. Fragment prikladnoj (pedagogicheskoj) modeli jazyka* [The Theory of Functional-Communicative Syntax. A Fragment of an Applied (Pedagogical) Language Model]. Moscow, The Moscow University Publ., 2000. (In Russ.)
9. *Buslaev, F.I.* *Istoricheskaja grammatika russkogo jazyka* [Historical Grammar of the Russian Language]. Moscow, Uchpedgiz Publ., 1959. (In Russ.)
10. *Norman, B.J.* *Narechie v sovremennyh slavyanskih jazykah: slovoobrazovatelnye, semantichekie i sintaksicheskie aspekty razvitija* [Adverb in Modern Slavic Languages: Word-Formation, Semantic and Syntactic Aspects of Development]. Mовазнаўства. Літаратура. Культуралогія. Фалькларыстыка. XIII Міжнародны з'езд славістаў (Лjubляна, 2003). Даклады беларускай дэлегацыі [Linguistics. Literature. Cultural Studies. Folklore Studies. The 13th International Congress of Slavists (Ljubljana, 2003). Reports of the Belarusian Delegation]. Minsk, Belaruskaja navuka Publ., 2003, pp. 159–174. (In Russ.)
11. *Nacionalnyj korpus russkogo jazyka* [National Corpus of the Russian Language]. URL: <http://www.ruscorpora.ru>
12. *Zemskaya, E.A., Kapanadze, L.A.* (eds.) *Russkaja razgovornaja rech. Teksty* [Russian Colloquial Speech. Texts]. Moscow, Nauka Publ., 1978. (In Russ.)
13. *Kubryakova, E.S.* *Nominativnyj aspekt rechevoj dejatel'nosti* [The Nominative Aspect of Speech Activity]. Moscow, Nauka Publ., 1986 (In Russ.)

REFERENCES

Дата поступления материала в редакцию: 29 января 2023 г.
 Статья поступила после рецензирования и доработки: 10 февраля 2023 г.
 Статья принята к публикации: 15 февраля 2023 г.
 Дата публикации: 30 апреля 2023 г.

Received by Editor on January 29, 2023
 Revised on February 10, 2023
 Accepted on February 15, 2023
 Date of publication: April 30, 2023